

РОМАН

**ЛУЧШЕЕ,
ЧТО ЕСТЬ ВО МНЕ**

ТАТЬЯНА ДЕМЬЯНОВА

Татьяна Демьянова

Лучшее, что есть во мне

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41716949

Лучшее, что есть во мне: Accent Graphics Communications; Montreal;

2018

ISBN 978-1-77192-455-9

Аннотация

Случайное знакомство на кладбище с загадочным мужчиной заставляет Аду вновь отчаянно задуматься: почему ее сестра-близнец покончила с собой восемь лет назад? В свете происходящих далее событий это становится вопросом жизни и смерти...

Содержание

Благодарности	4
Глава 1	5
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Татьяна Демьянова

Лучшее, что есть во мне

Благодарности

Книге «Лучшее, что есть во мне» предшествует короткая зарисовка. Я написала ее 12 лет назад, соприкоснувшись с чужим внутренним миром, разорвавшим мое мировоззрение на «до» и «после». Я хочу поблагодарить Рому за то, что он познакомил меня с гностицизмом.

Когда почва уходит из-под ног, фундамент рушится, и необходимо заново выстраивать жизненную философию. Я осознала, что ее нужно пересматривать, находясь в бездне, из которой меня не только не слышали другие, но и в которой я сама не различала себя. Вместе с героями романа я задавалась вопросами, ответы на которые упирались в тупик полярного сознания. В конце концов, мне удалось выпрыгнуть со дна и забраться на вершину, о существовании которой я не знала. В этом неоценима помощь Константина Слепака, который всегда оказывал (и оказывает) мне поддержку.

Глава 1

По ночам соседский пес начинает лаять. Ему вторят собаки со всей окрестности, и некоторое время по ней носится протяжный гвалт. Они кричат в темноту о том, чего не могут достигнуть. Привязанные веревками к конурам, звери не могут приблизиться к желанной свободе, пробежаться по полю и схватить белку за хвост, сделать то, что им положено по природе. Поэтому они воют по ночам, мечтая о бегстве, которое не принесет им счастья, ибо они привыкли к еде со стола. Они воют на луну, скрывающуюся за облаками, отражающую солнце, не способную на самостоятельный свет. Они лают, а люди, расслышав их рев, кутаются в одеяла, чтобы скрыть тоску, созвучную их стенаниям.

В руке нож. Пистолет отложен в сторону. Все будет устроено в тишине, поэтому необходимо соблюдать тональность: приложить хлороформ к шее и резко провести от одного края к другому холодным лезвием, которое хранилось в холодильной камере. Я люблю, когда от него веет морозом.

Единственный помощник – джокер, нарисованный у меня на плече. В отражении он подмигивает мне и направляет меня. Каждый раз, когда необходимо посмеяться в лицо предстоящим трудностям, я снимаю рубашку и смотрю на него. Он знает ответы на все вопросы, он знает, как достичь

совершенства, он знает, что плата за него высока.

Жертва чувствует, что ей остались считанные дни: чем она виновнее, тем острее слышит запах собственной крови, и когда я разрезаю кожу и вызываю ее на поверхность, удивление испускают только пузыри воздуха, выходящие наружу. Голова кренится, и струи сочатся по груди. От того, что я не до конца выпался, чаша моего терпения наклонена, и мне сложно выждать жертву. Из-за этого удовольствие от выполненного дела подпорчено, и завтра я выкажу недовольство соседям.

Я бы стал философом, если бы у меня был тощий зад и расстройство равновесия. Теоретики как зависающие качели – улетают вверх и дергают костлявыми ножками, не в состоянии вернуться на землю. Или психологом, если бы мне было нужно, чтобы об меня вытирали ноги сотни психических калек. Ум позволяет рассмотреть десятки возможностей, от которых отвратил инстинкт, чтобы прийти к выбранному – верному – пути, за который можно было бы не сомневаться до конца дееспособных дней.

Стою перед иконой Божьей матери с младенцем. Крещусь и люблюсь. Что может быть прекраснее женщины, склонившейся к святому дитяти? В противоположном конце церкви угрюмо плачет девушка. Как можно предаваться горю в благом и зачарованном месте, где умещается преисподняя и

храм Божий? Скорбящая останавливается рядом со мной и ставит свечу перед иконой. Безмолвно вопрошаю ее, что случилось. Она могла потерять мужа и оплакивать судьбу своих детей, равно как могла и остаться без работы и денег в чужом городе. Ее плечи сотрясаются, в моем присутствии она не издает протяжных всхлипов. Отхожу и из-за угла смотрю, как она вновь принимается плакать в голос. Так плачут об ушедших, которые больше не смогут успокоить живых своим присутствием.

На целый месяц я отправляюсь в путешествие, чтобы наблюдать, как Черное море омывает берег. Ранними утрами, когда оно не так огромно (против ночи, когда бескрайность отражает в нем величину Млечного Пути), засматриваюсь на волну, прибывающую пустые ракушки без моллюсков. Берег наполнен остатками людских пиршеств, повсюду бутылки и обертки из-под еды – человек, скрадывая страхи, предается утехам перед необозримым простором.

Освобождаю место от окурков и опускаюсь на валун, всматриваюсь в горизонт, просвечивающийся восходящими лучами солнца. Они тянутся вдоль глянцевой поверхности воды, размывают краски по ряби, – и тогда я ныряю в воду, чтобы схватить несколько желтых пятен животом. Мой джокер смеется: я как собака, устремляющая лай в бесконечность, стремящаяся ухватить его край.

Прогуливаясь вдоль кромки воды, наблюдаю мертвого

пса, загрызенного товарищами. Его брюхо набухло от кишаших червей. Я вынимаю нож и вспарываю его, и те вслед за кишками вываливаются наружу. Изглоданная глотка тарасится на меня – рассматриваю, как тело еще недавно живого пса разъедается низшими тварями.

Мне свойственно мечтать, затачивая по вечерам ножи из моей коллекции. Некоторые я мастерю сам, раздобыв заготовку и дерево для рукоятки. В этом есть непередаваемое удовольствие – смотреть, как сталь превращается в острый клинок, предвидеть, как мягко он будет входить в любую поверхность и тем более в плоть. Мой джокер – его испытание. Отточенным ножом я проверяю, течет ли с его губ кровь, когда провожу по улыбке тонким лезвием. Марианна, любимая барышня, стирает белой марлей с плеча кровь, после чего наши тела соприкасаются.

Марианна принимает у себя на дому, и каждый раз, когда я прихожу к ней проверять новый нож, она резво ухмыляется и лезет в аптечку, пожимая плечами. Знать мои привычки – ее священная обязанность. И не дай ей Бог забыть о ней.

Кожаная куртка износилась. Чтобы купить новую, выезжаю в город, который я презираю. В магазине просматриваю несколько вариантов, прежде чем удостовериться, что продавщица смеривает меня скептическим взглядом. Мой вид говорит о том, что я неплатежеспособен. Ее – об ограничен-

ности ума, который состоит, как в детском стишке, из набора конфет. Таких барышень – большинство, и крайняя удача – встретить настоящую. Таковую драгоценность необходимо беречь. Прикосновения к настоящему – прикосновения к совершенному.

Куртка выбрана. Возвращаюсь обратно в пригород. Плотной стеной стоят деревья, и клубится свежий воздух. Не в пример мегаполису, в который стоит выбираться только для того чтобы почувствовать контраст.

Марианна живет в городе. Оттого часто приходится об этом вспоминать.

Мне сделали новый заказ – устранить троих человек. Меня приставляют к группе из пяти членов, с которыми мы должны провести операцию. Нам выдают автоматы и амуницию. Не люблю, когда устраивают шум. Мне по душе, когда дело проворачивается без звуковых волн. От них неприятный скрежет, будто песок на зубах. Но против приказа не пойдешь.

В полночь мы врываемся в квартиру и укладываем троицу на лопатки, в соседней комнате плачут дети. Я захожу к ним и целую слезы одного из них, пробуя на вкус. Нет ничего совершеннее слез обиженного ребенка.

В проеме появляется напарник. Он тяжело дышит, завалив автомат за плечи. Дети, успокоившиеся при моем появлении, вновь начинают рыдать. Я машу на него рукой. У ме-

ня есть особый талант – расположить к себе детей, оттого меня часто привлекают к подобным операциям.

Взяв двоих на руки, я несу их к выходу. В сторону, где свет. В коридоре дергается рука одного из поверженных. При виде ее дети вновь пускаются в слезы, тогда я придавливаю ее к полу так, что хрустят кости, и раздается истошный ор.

Вместе с ангелочками сажусь в машину и, обнимая их, прикасаюсь к мокрым щекам. В соседней машине едет связанная тройца. Вот она, вечность, вот оно, совершенство.

Мы познакомились с Иваном, когда ему было семь лет. Иван остался без родителей еще младенцем. Его нежности и ласки хватило бы на нескольких домашних детей. С тех пор я начал приходить к нему в интернат и рассказывать о своей работе. Он заслушивался меня. Я приносил ему деревянные мечи и водяные пистолеты, и иногда забирал на выходные, чтобы отвезти в тир. Пацан рос на моих глазах, и его любовь вылилась в преданность. Сейчас мне сорок два, а ему семнадцать, – пришло время готовить замену.

Они лежали, отгороженные от мира криками, оружием, потом, мочой и кровью. Их три дня не выпускали из помещения. Террористы сновали между ними, придавливая к земле весом автоматов и видом масок. Им все было чуждо. Когда нам удалось проникнуть в здание, мы побежали по залу, убивая одного захватчика за другим. Один пытался схватить

женщину, я ударил его прикладом по зубам. Трое у заднего выхода подняли руки, и я расстрелял их прямо у стены.

После я выносил на руках детей. Они тяжело дышали. Маленькие обескровленные тела стали совсем легкими. Я нес маленьких ангелочков, наполненных благословением и легкостью.

Рассказываю Ивану об операции. Он сидит за столом на моей кухне и восхищенно слушает про то, как команда просочилась в помещение, словно вода, во все возможные щели, и не оставила террористам выхода. Иван спрашивает, как я забирался по крыше и спускался по стене вниз, отталкиваясь ногами. Его мир расцветает и преобразуется – это видно по глазам. Я показываю ему свою татуировку, и он хочет сделать похожую. Тотчас мы идем к мастеру и воссоздаем химеру на его груди.

Спускаясь на машине с косогора, я въехал в огромный валун. Машина не подлежит восстановлению, но я отделяюсь несколькими ушибами и переломом. Когда кость выходит наружу, от болевых ощущений теряю голос. Всматриваюсь в открытую рану, как в возможность познать настоящее. Ничто так не возвышает душу, как излом в теле. Мое увлечение ездой по бездорожью впервые натолкнулось на препятствие. В обыденное время нанести себе увечье легче, чем в рабочее.

Здоровой ногой я выталкиваю смятую дверь и выбира-

юсь наружу. Вокруг никого нет, до ближайшего населенного пункта девять километров ходу. Сняв ремень и перевязав ногу, медленно ползу в сторону дороги. Рана на лбу кровоточит, и начинает ныть голова. Добравшись до перекрестка, я принимаюсь ждать, когда проедет первая машина. Ожидание длится несколько часов, за которые я дважды успеваю заснуть или потерять сознание. Старичок на покосившемся автомобиле соглашается подвезти меня до ближайшей больницы, с отвращением косится на перевязанную ногу, не может отказать себе в удовольствии лишний раз поморщиться.

Теперь на несколько недель я прикован к кровати.

Лежа в постели, вспоминаю Варвару. Последние дни она не выходила на улицу, и я проводывал ее. Мы познакомились, когда мне было шестнадцать и я отдыхал у бабки в деревне. У Варвары была роскошная черная коса и большие карие глаза. Из-за редкой генетической болезни она была словно прозрачной, но мы гуляли с ней по рощам, останавливаясь на отдых, и вели разговоры о религии. Она знала, что ей осталось немного, и не спеша к этому готовилась. Ее хрупкость привлекала меня. И мне не терпелось попробовать ее на вкус. Но Варвара завещала себя Богу, пообещав бросить страсти в костер во имя главной любви. Мы вместе ходили в церковь, где она молилась, покрыв волосы косынкой.

«Любовь к Богу, – говорила она, – требует безоговорочной отдачи. Ты не можешь ни на что рассчитывать, ни о чем

просить, у тебя нет никаких гарантий, но ты должен верить, что Бог услышит твои мольбы и примет и простит тебя».

Я позвал ее на танцы, где, обняв рукой, приподнял над полом и повел по кругу. Ей стало не по себе, когда я приблизил губы к ее щеке. Она оттолкнула меня, расплакалась и сказала, что больше никогда к себе не подпустит. Но уже через неделю ее мать пришла в гости к моей бабке и сказала, что Варваре хуже и она хочет меня видеть.

Больше она не вставала, и я ходил к ней домой, где мы подолгу беседовали о вере. Она просила меня не мучить и понять ее. Я молча кивал, надежды у меня не осталось. Лето подходило к концу, и скоро я должен был вернуться в город. В день отъезда я пришел к ней попрощаться. Она не хотела со мной разговаривать, но потом все же перестала на меня обижаться, и мы разговорились о совместно проведенном времени. Тогда ее глаза вспыхнули, и она слабо притянула меня к себе, прижав к груди. Она нехотя говорила нет, когда я залез на нее сверху, поднял ночную рубашку и вошел в нее. После мы лежали в кровати, и я гладил ее по голове, пока она тихо плакала. В тот вечер я уехал. На следующий год, когда я вновь приехал к бабке в гости, она мне сообщила, что Варвара умерла через два месяца после моего отъезда.

Перелом медленно заживает, а пока я передвигаюсь по дому на костылях. Вследствие долгого пребывания дома приучил себя пить чай с шестью ложками сахара. Иван наве-

щает меня, как некогда я его в интернате. Помню, как он рыдал, когда воспитатель из-за сильного конфликта отправил его учиться на краснодеревщика. Я вступился и помог ему переопределиться в училище. А еще хорошенько отругал за непомерную жалость к себе. Ему многому предстояло научиться. Например, что жалость к себе разрушает похлеще рака с метастазами.

Когда Ивану было лет восемь, я присел к нему на скамейку и спросил, почему он не играет с ребятами. Он ответил, что игры их жестоки, и что ему лучше сидеть одному. «Но разве Бог одинаково не сотворил и людей, и землю? Все создано единым Творцом, и не стоит избегать его созданий», – рассказывал я ему, а он внимательно слушал. Я был тем человеком, к которому он потянулся и который украсил своим появлением его детские одинокие года. «Все создал Бог, – говорил я ему, – все имеет одинаковую ценность и ничего не стоит бояться, но брать в свои руки и создавать реальность вокруг себя». «Кто же тогда Дьявол?» – спросил Иван. «Бог и Дьявол есть одно, – отвечал я ему, – одно зерно, это человек придумал его проявлениям разные имена, человек разделил единое на два. Оттого многие люди боятся собственной тени. Но тебе не нужно ничего бояться: пока ты владеешь собой, твоя реальность у тебя в руках».

Иван присоединился к сверстникам, но те поколотили его. В коротких штанишках, оголявших синяки и окровавленные коленки, он сторонился меня, когда я пришел его навестить.

Я рассказал ему, что не нужно бояться боли, что это дорога к единому. Боль отодвигает иные ощущения на задний план и оставляет тебя одного перед несотворенным. И если в это мгновение удастся не поддаться боли, проигнорировать ее, происходит касание вечности. Он не понял ничего из того, что я объяснял ему, и только тихонько всхлипывал. Я приобнял его, и он попытался расплакаться. Тогда я отпустил его и сказал, что в момент, когда он дает волю чувствам, единое вновь делится на два, и в мир возвращается Бог и Дьявол, которые даруют страдание.

Иван напоминал меня в детстве: я тоже сторонился людей. Я презирал их. Они были наполнены злобой и жалостью к себе, их настроение было переменчиво и редко соответствовало реальности. Ужас наполнял меня при мысли, что я один из них. Детство прошло в борьбе с собственной человеческой природой, которая мне претила. И лишь со временем мне удалось усмирить презрение и позволить окружающим быть такими, какими они являются. Равнодушие – это ноль, из которого возможно взирать на мир, не теряя безупречности в оценке.

Еще хромая, покупаю новую машину: выбирать не приходится, я беру такой же джип. Эта марка меня никогда не подводила. Она позволяет мне добираться до мест, где маловероятно присутствие человека, где сердце радуется чистоте и первозданности воздуха и земли. Я ложусь ничком, сгребая

лесную пожухлую листву руками и вдыхаю запах. Вековые сосны безразлично взирают на меня, допуская в ветвях игру ветра. Я могу лежать часами, пока не насыщусь уединением и отдохновением от человеческого.

Лежа на земле, обнимая и впитывая ее, я возвращаюсь к временам, когда она была безводна и пуста. И наблюдаю за хитроумным Демиургом, переплетающим две нити, из которых впоследствии будет создано человечество. Нить всего лишь нить, но она переливается цветами, когда наполняет собой землю, когда создает животный мир, и более всего, когда создает человека.

В лесу я нахожу материал для вырезания рукояток для ножей и маленьких фигурок животных, всех по паре: медведей, волков, уток, жирафов, слонов. В моем собрании уже более пятнадцати видов, и оно только расширяется после каждой прогулки в первозданность леса.

Каждый раз по возвращении я наполняюсь пустотой и безмолвием.

Нога зажила, я вновь передвигаюсь самостоятельно, и не похоже, что некоторое время назад мне требовались костыли. Наблюдаю за своей походкой в отражении и убеждаюсь, что она немного изменилась, перелом оставил на ней отпечаток. Теперь я меньше пружиню.

Мне поручают временно охранять десятилетнего мальчишку. Для своих лет он достаточно рассудителен, но когда

мы приходим в магазин игрушек, теряется. Ко мне он относится как к ровеснику и спрашивает моего мнения о том, какой радиоуправляемый вертолет лучше купить.

С маленькими детьми управляться легче. Один раз я был приставлен к подростку, умудрившемуся разозлить подвыпившую компанию молодых людей, которым мне впоследствии пришлось ломать челюсти и выворачивать руки.

В тишине пытаться легче. Тишина действует удручающе, и хруст костей на жертв влияет вдвойне. Я перебиваю по пальцу в ожидании, когда мужчина заговорит, от его молчания выпадаю в нестерпимую скуку. Боль не его слабое место. Тогда я ввожу в комнату его дочь, и тот, дрожа, тотчас заговаривает. К каждому человеку можно найти подход.

Он был старше ее. Точнее, он всегда был старше ее. Столько, сколько эта история повторялась, он всегда был старше. Меня всегда интересовала целомудренность женской души, ее матричной структурой мне всегда не терпелось овладеть, выстроить, со всеми «случайными» числами и отклонениями. Создать клетку для души, где ее части пребывали бы на своих местах. Игра для Омара Хайяма, понимающего толк в метафоре вина и невинной улыбки.

Варвара была началом моей истории, Марианна – постоянным сопровождением. Я вижу их на встречах, на которых сижу с их детьми, и веду беседы. Иногда нескольких минут достаточно, чтобы проникнуть в них и понять, что ими дви-

жет. Такие души меня не интересуют. Мне нужны сложные петли, за которые можно было бы ухватиться и перекрыть заново. Они меня боятся, но слушают, как слушаются их дети.

Временно меня направляют в другой город. Смена места жительства меня не прельщает: в круговерти работы должно быть место, где можно вдохнуть привычки. Готовится массовая операция, о которой сообщают обрывки сведений, ровно столько, сколько нужно для выполнения своей части работы. Лишняя информация всегда вредит. Человеку необходимо знать ровно столько, сколько ему необходимо для выживания. Погоня за знаниями – преследование иллюзии, что жизнь можно охватить, как охватывают параграф в некой области. Главные знания приходят из ощущений и восприятия.

Из окна поезда наблюдаю полосу лесов, представляя, сколько возможностей они в себе таят. Проникнуть в густую чащу, почувствовать животом свежесть чернозема, вдохнуть запах одиночества и истинного познания. Оттого железная дорога наводит тоску – пропуск стольких возможностей. На соседней полке ребенок болтает ногами и грызет козинак. Спрашиваю его, нравится ли ему поездка. Он кивает, вытирая рукавом подбородок. «Показать фокус?» – играю с ним и вынимаю из-за уха монетку. Он берет ее в руку, ликуя от радости, и долго разглядывает. Под конец улыбается и в ожидании смотрит на меня. Сказать ему, что со временем он не пе-

рестанет любить фокусы, что магическое мышление навсегда останется с ним, и чем старше он будет становиться, тем сильнее будет прикипать к волшебству, что усвоил в детстве? Я люблю детей: они не скрывают восхищения перед иллюзией.

«Вы замужем?» – задаю вопрос его матери с наскока. Она торопится от наглости, но послушно отвечает. Я рассказываю ей про Ивана, и у нас завязывается разговор про детей. Уже через час мы встречаемся в уборной, где ее широкая юбка облегчает нам дело.

По приезде первым делом раскладываю ножи в квартире, которую для меня сняли. Стул, кровать и телевизор, – все, что необходимо для жизни в течение двух недель. Направляюсь в магазин и покупаю сахар в кубиках. Сажусь перед телевизором, грызу рафинад и с интересом наблюдаю, что показывают в эфире. Схема новостей и сериалов не меняется, передачи про постоянные заботы. Изучаю вещательную сетку так же, как натуралист изучает природу. Чтобы быть в курсе современного мышления, необходимо смотреть популярный канал.

В четыре утра меня будят звонком и диктуют точные координаты. Выезжаю за город и еду на выполнение операции под названием «Тролль». На моей памяти был и «Мумий Тролль», так что названия давно не вызывают удивления. Они выбираются с полком с детскими сказками. Группа из пяти человек. Когда мы врывается в дом, начинает све-

тать – самое болезненное время, когда люди с трудом отличают кошмар от реальности. Один выбегает из задней двери: несусь за ним по глубокой колее, мокрой от ночного дождя. К ботинкам прилипает грязь и листья. Бегу. Наваливаюсь. Беглец совсем юный – ровесник Ивана. Скручиваю ему руки за спиной. Мои колени прижимают его к земле. Моя сила выплеснута наружу. Мальчишка подо мной тихонько скулит от боли. Я чувствую невероятное единение с миром. Душа чиста. Сквозь кромки деревьев распахивается небо. Завороженно смотрю на него и не хочу прерывать момент. По стволу бежит белка, махая мохнатым хвостом, маленькая лесная крыска. По земле стелется предрассветный туман. Смотрю вниз и догадываюсь, почему парень елозит: я уложил его на муравейник. Поднимаю, покусанного, и веду в фургон.

Такая наполненность, как сегодня, постигает меня нечасто. Я постоянно гонюсь за ней, а она ускользает. Ее надо заслужить, к ней необходимо прислушаться.

Вдоль дороги идет девушка, из целлофанового пакета, который она несет, торчат несколько хвостов. Не сдерживая любопытства, останавливаюсь рядом с ней и предлагаю подвезти. Она соглашается и кладет трепещущий пакет себе на голые колени. Я интересуюсь, что в нем. «Крысы», – коротко отвечает она, размещаясь поудобней. Для чего ей столько крыс? «Для питонов», – сообщает она. И много они едят? «По крысе в неделю». Волосы девушки торчат в разные сто-

роны, и она не торопится поправить задравшуюся короткую джинсовую юбку. Любит ли она своих питомцев? Она удивленно смотрит на меня. «Это же змеи». Я останавливаю автомобиль, она выходит, аккуратно удерживая улов в правой руке. Славно, думаю я. Славная девушка.

Я люблю знакомиться на дороге. Это мое путешествие вглубь женской души. Девушки, которые ко мне садятся, откровенничают. У большинства историй я сразу вижу второе дно. Лишь самые интересные имеют комбинации, кубики-рубрики, и заставляют задуматься. Не все торопятся поделиться, но многие, и чаще с удовольствием, рассказывают о своей жизни. Дорога открывает их для искренности.

Юлю я везу в Подмоскowie, молчу, пока она вдохновенно рассказывает о своей работе в благотворительности, о помощи ближнему. По пути делаю остановку. Забавно наблюдать ее, когда я передаю ей пистолет и предлагаю пострелять: сначала она отказывается, но после несложных уговоров соглашается. А потом я улыбаюсь тому, как меняется выражение ее лица, когда она чувствует власть в своих руках.

С какой легкостью они садятся ко мне в машину, чтобы я открыл им их новую сторону, их изнанку! Чем интенсивнее они отмахиваются, тем легче их переубедить. Одного я не переношу – женских истерик. Когда барышня начинает реветь, я покидаю ее. То ли дело детские слезинки. Таким способом ребенок общается с окружающим миром, ему не тер-

пится ответить. Детская манипуляция оправдана – маленькому человеку нужно выживать, женская же направлена на подавление мужского. Я встречал этих особей, желающих получить от мужчины максимум, в особенности материального. Я могу сделать ей подарок, если она настаивает, но тогда непременно возьму свое. Ничто в мире не происходит в одностороннем направлении. Если ты получаешь дар, то за него нужно заплатить. Не все женщины это понимают и удивляются, когда я требую отдачи. Ада требует с меня иного, она желает, того не ведая, чтобы я рассказал ей, как жить. И за это ей тоже приходится расплачиваться.

На похоронах у меня неизменно урчит живот. Сколько бы раз я на них ни был, всякий раз одно и то же: от голода у меня сосет под ложечкой. Хоронят коллегу, с которым я не очень хорошо, но был знаком. Ему было сорок семь лет. Стол богат: как угощение подают утку с яблоками, селедку под шубой, оливье, салат с копченостями, нарезку, соленые огурцы под водку. Только я, конечно, не пью, – на похоронах за этим следят строго, – наливаю себе в стопку воду. Разговор идет, рассказывают истории с участием погибшего. Смеются. Все как положено. Когда жена почившего напивается, то наклоняется ко мне и со злостью шепчет, отчего то был не я, или любой другой из тех, у которого никого нет и который никому не нужен. Отчего то был ее муж? И плачет. Я обнимаю ее. Как ей объяснить, что у смерти существуют законы? Что

у нее свои прописные истины? Что она выбирает? И выбрала ее мужа? Пусть на человеческий взгляд смерть случайна, у нее своя логика. Сколько раз я наблюдал, как умирают те, чье время пришло, – внимательный глаз может заметить это. Стоит человеку отмерить свой срок, как он становится доступен для любого рода происшествий и заболеваний. Если бы только погибший обратил внимание на свое внутреннее состояние, то разглядел бы в себе признаки увядания: смерть как гость, сообщающий о себе вежливым стуком. Я встречал нежилецов, которые через некоторое время умирали. Их всех отличал общий признак – вокруг них была аура смерти, от них исходил характерный запах. Редкий собеседник способен заметить это.

Как объяснить той женщине, что я давно знал, что ее муж на краю могилы?

Я не терплю классической музыки, мне тяжело ее слушать – она уносит слишком далеко, мне с трудом удастся вернуться. Она растворяет в себе, переносит за пределы разума, так, что сложно найти дорогу назад. Руки трясутся, ладони потеют, зрение туманится, когда первые аккорды мелодии дают о себе знать. Все выше и выше, исчезаю, и где я – непонятно: не слит ни с природой, ни с миром, но вне его. Так кобра забывает себя под звуки дудочки и следует за заклинателем. Музыка манипулирует сознанием, делая его податливым, как пластилин. Любая манипуляция вызывает у

меня протест и отвращение. Не так много вещей вызывают эти чувства – гадливость мне несвойственна.

Собирать деньги с людей не самое увлекательное занятие. Обьезжать дома, стучаться, смотреть – смотреть так, чтобы люди без слов понимали, зачем к ним пришли, держать в руках конверты, складывать в сумку, отвозить владельцам. Нет ничего скучнее. Но недавно вышла забавная история.

Дверь открылась, и на пороге показалась девчушка лет десяти, сообщила, что родителей нет дома. Раз нет дома, решил я, остается только забрать девочку с собой. Она весело болтала ногами, слушала в машине «Бременских музыкантов», пока я ходил по заданным адресам, совсем не плакала (дети никогда со мной не плачут), и мы с ней даже поели мороженого. К вечеру я возвратился в ее дом – родители оказались на месте и предоставили положенную сумму. А я не пожалел, что так вышло, – с девчушкой день выдался веселым. Я так и сказал ее отцу, что в следующий раз при похожем раскладе ее не верну.

Меня сморил сон, что от хлороформа. Двенадцать часов пролежал я в кровати, и вот отчего. Накануне преследовал мелкую сошку, до того мелкую, что она затерялась в городской траве. Человек этот был ростом не выше ста пятидесяти сантиметров и широк в плечах. Целый день я караулил его, и все напрасно – его известили о слежке. Я отсекал злость – она

мешает действовать и думать – и погнался за ним. По всем местам, где он мог бы спрятаться, и застал у любовницы. Она долго не открывала дверь, а когда распахнула, он уже успел перебраться с балкона на пожарную лестницу. Выскочив за ним, я бездумно пустился в преследование, позволив радости от удачи овладеть мною, – то, чего я никогда не допускаю: когда я настиг преследуемого, его приятели обступили меня. Пока двое держали меня, остальные наносили удары и угрожали, в конце швырнули на асфальт и плюнули.

К вкусу собственной крови можно испытывать единственно нежное чувство – смакуешь родное, принадлежащее одному тебе. Облизываю окровавленные губы, как будто они смочены в сладком нектаре. Тело ноет, но эта боль не достигает желанного предела.

Я встал и, качаясь, побрел к машине. Люди шарахались от меня, как от чумного: они недооценивают значение крови.

Заживление продвигается. Через пару дней смогу вернуться к работе.

Звонит Иван, намеревается прийти в гости, но я отговариваю его. Он рассказывает, как у него дела, что он изучает, и как строго к нему относятся преподаватели. Проявление строгости – это спасение, объясняю ему, воспитание идет в верном направлении. А направление как раз определяется, когда судьба преподносит суровые уроки. Прикладываю ладонь к срастающемуся ребру, сознавая, что то – путь к зна-

нию, что не ведает границ человеческого разума.

Жизнь предполагает множество испытаний, чем тернистей путь, тем короче дорога к постижению ее тайны. Каждый раз, подвергаясь боли, предчувствую, что совершил скачок на пути, где конечным пунктом служит знание, открывающее секрет мироздания. В момент наивысшего страдания, на краткий миг, тайна становится доступной, но после исчезает за слоем человеческого. Истина его не терпит, ей нужно обнажение, полное раскрытие, тогда она поверяет себя, чтобы подсказать, что ожидать от вечности.

Я – апологет учения, созданного моментами настоящего, только в нем можно постичь вселенную.

Когда я был ребенком, мне было видение в церкви: старец осенил меня знамением. Его руки были покрыты короной, а глаза светились огнем. Он взял меня за руку и понес по миру. Мы пролетели над райскими полями, покрытыми цветами, полями, на которых паслись лошади и коровы, и всем хватало места, мы пролетели над каньонами, у которых было не разглядеть дна, в которых водились тени и зубатые чудовища. Я трогал каждого из увиденных: и животных, и монстров, и все они равно занимали меня. Мы неслись все дальше, поля сменяли леса, каньоны – пустоши, и везде нам радовались разные существа. Мне повстречался хромоногий конь с козлиной бородкой – я вскочил на него и проехался галопом, пока не загнал до смерти, за что несчастное создание поблагодарило меня – существование давно не радова-

ло его. Конь оставил меня на берегу озера, в которое я взгляделся. Отражение поразило меня: на голове сверкал нимб, я расправлял крылья, но мое горло было красным – я впи-вался клыками в коня и высасывал из него кровь – только белые одежды, в которые я был облачен, оставались чисты. Мои волосы кудрявились, как у ангелочков с икон, глаза излучали безмятежность. Я окунулся в воду и вышел из нее нагим. Видение закончилось, и я очнулся у себя в кровати. Меня качало, со мной случилась лихорадка, грипп овладел мной на несколько недель. Но я никогда не пожалею об увиденном.

Мать научила меня молиться на ночь. С тех пор каждый вечер я складываю руки перед грудью и произношу «Отче наш». Молитва имеет целебную силу. Она исправляет внутренние конфликты и направляет. Поэтому поутру я всегда знаю, что и как нужно делать. Люди подвержены сомнениям. Они не знают, как их избежать. Все оттого, что им неизвестно, что сомнения – их выдумка, решения уже заданы, не нужно склоняться вправо или влево, необходимо двигаться к центру. Не существует деления, не существует выбора, все дано изначально, главное – не впускать колебания в жизнь.

Сколько раз я не сходил с дороги, когда бы мог, – то знание удерживало меня на пути.

Ко мне садится Марго. Она красавица. В свои неполные восемнадцать многое извела. Рассказала об оргиях, в которых принимала участие, о том, что привыкла просыпаться

в незнакомых квартирах. При этом на ее лице сохраняется невинное кукольное выражение – редкий дар сочетать в себе внутренний опыт и внешний обман. Ей удается удивить меня несколькими историями (как только начинает казаться, что меня уже ничто не удивит, происходит новое знакомство, которое напоминает, что впереди еще много неизведанного). Она, наивно улыбаясь, убеждала мужчин вступать в связи друг с другом, способствовала тому, чтобы они совершали вещи, им несвойственные. Я – благодарный слушатель, готов выслушивать об извращениях – все втайне мечтают удивить своими. Марго пытается убедить, что в иных обстоятельствах я бы попался в ее сети, чем вызывает у меня усмешку. Можно согнуть человека, у которого нет корня, перед которым стоит выбор, а у меня выбора нет, я действую по наитию. Но она не первая, кто примеряет свой опыт на меня, это свойственно всем людям – делать проекции собственных слабостей на других.

Мы занимаемся с ней сексом в машине, так, как хочется мне. Ее чары на меня не действуют. Вытирая пот, она выскакивает из машины, не сказав ни слова. Теперь она испробовала действительно все.

Выхожу из дома, а на улице снег и колючий ветер, щиплющий кожу. Зима – забавное время года: природа пытается скрыть присущую ей грязь за белоснежным покровом. Руки мерзнут без перчаток и костенеют на курке, если долго це-

литься. Все решается быстрее.

В жизненно важных вопросах стоит полагаться на инстинкт. Тело живее, чем ум, решает многие вопросы. Оно древнее, чем он, и мудрее. Мне ли не знать, что каждая мелочь влияет на исход, и оттого критична скорость в принятии решения. Я бы ни за что не положил свою жизнь на мыслительный аппарат, который легко ввести в заблуждение и отвлечь. Его необходимо тренировать, чтобы он не болтался шалаяй-валяй, туда-сюда. Проблема в концентрации. Необходимо сосредотачивать внимание на предмете и не отвлекаться на постороннее. С тренировками это выходит лучше, и ум перестает перебегать от темы к теме. Становится спокойным, но гибким. И все равно, несмотря на практику, ум никогда не превзойдет тело.

Там была девочка, она кричала, чтобы ее выпустили. Вокруг стоял шум и гвалт, но сквозь него я явственно различал голос из подвала. Меня ничто не интересовало, кроме него. Если бы не моя чуйка, мне бы вовремя не уклониться от пули, которая просвистела над моей головой.

В последнее время меня оттягивает вниз. Я поддался соблазну и впустил в дом грудастую девочку – нарушение установленного распорядка, давно подобного себе я не позволял. Возраст накладывает отпечаток. Я пустился в сантименты: мне захотелось ей помочь. Веду с ней беседы, рассказываю об устройстве мира. Она, как и многие в ее возрасте, живет

в хрустальном замке. Пора выгнать ее в реальность. Бывает, хочется поделиться своими знаниями. А слушающих не так много. Основное время занимает разыгрывание партий. И я не прочь поиграть, но есть потребность выходить за пределы поля.

Моя философия добыта из жизни. Построена на камнях моего опыта. Меня в свое время поразило, что слово «катавасия» произошло от греческого «катабасис». Неспроста церковный порядок в песнопении превратился в озорство. Открытие подтвердило мое убеждение, что церковь тщательно скрывает свои недра, в которых содержится материальное, плотское, греховное. Для ее здания существует зеркальное строение, уходящее под землю, которое хранит секреты истинного христианства. И там, в подвалах и лабиринтах, пребывает вторая ипостась Бога, дьявольская, хтоническая, о которой на мессах принято умалчивать. Я – исследователь того, что скрывает официальная церковь.

Глава 2

Небо першило мелким дождем, воздух насыщался влагой. Хрупкие листья кружили над землей в поисках прибежища. Мне было по-домашнему свободно. Сегодня Тине исполнилось бы двадцать пять. В понедельник редки посетители, можно, не торопясь, рассказать ей обо всем. Время – лишь ось, вдоль которой можно прогуливаться, отмеряя расстояния. Стоит сделать шаг назад, чтобы провалиться в прошлое. И вот уже сестра жива и отвечает, ее голос ни с чем не спутать. Бойкий, громкий, он критикует и нападает на все, чего не терпит обладательница. Наше прошлое – недолгое, сырое, оттого что не успело оформиться во взрослое, разбирается передо мной на части пазла. Каждый кусочек я рассматриваю и удивляюсь, как мало значения придавала моменту, когда он происходил. Если бы только можно было прожить настоящее из прошлого, многое бы совершилось по-другому.

Ее смерть мне в привычку. Во-первых, резиновые сапоги, чтобы не промокли ноги. Во-вторых, яйцо вкрутую вприкуску с хлебом. Свежие цветы я не покупаю – она не любит, у нее растут свои многолетки. Все по обычаю, только сегодня что-то пошло не так. Я забыла дома сапоги и хлюпала по зыбкой грязи в изувеченных кедах. Мысли расплывались, слова разваливались. Сестра не хотела отвечать и принимать

меня. Я поскользнулась на ландышах и испачкала джинсы. Стало ясно, что она на меня сердится. Вопрос повис, словно спущенный гелиевый шарик, ни туда ни сюда.

Из сумки я достала кусок торта и вставила в него свечу. Мне хотелось загадать всего одно желание: чтобы неизбежная пустота, которая поселилась во мне со смерти Тины, обозначила свои контуры, сузилась и исчезла. В юбилей желаний исполняются – так нам говорил папа, когда в десять лет мы задували огоньки. Я загадала куклу Барби с крыльями, а Тина – настоящего Кена. Только у фирменных мужских кукол были волосы, и мы обе мечтали о нем. Родители вручили нам желанные игрушки на Новый год. Мы их ждали, заранее подготовили домик на полке шкафа. Розовые диванчики, маленькая ванна, кровать. Крохотные зубные щетки. Папа приходил поиграть с нами за Кена, но мы быстро выжидали его, потому что он не знал, как тот должен себя вести. Он клал ладони нам на головы, улыбался и, кряхтя, вставал с пола, шел заваривать чай. Игра в куклы была его единственным слабым местом.

Мне нравится морось в воздухе. Ощущение воды на коже. Я подставила лицо влаге и оставалась несколько минут с закрытыми глазами, прислушивалась к движению воздуха, к Тине. Ее глаза появились из темноты. Они не улыбались, смотрели на меня в безмолвии. Когда я очнулась, щеки были мокрыми, то ли от дождя, то ли от слез. На кладбище можно отдохнуть и поплакать. В городской суете об этом забы-

ваешь.

Уронила руку на прощание на камень, погладила шершавую поверхность – память о ней хранят мои пальцы – и заторопилась на дорогу. Но – с'е la vie – пробило колесо. Домкрат в руках усмехнулся, на лбу выступил пот. «Вам помочь?» – послышался голос сзади, и я радостно уступила. Приземистый мужчина лет сорока ловко поднял основание, снял и надел колесо, будто это ему ничего не стоило. Под плотной курткой было не разглядеть фигуры, но я почувствовала, какие крепкие у него мышцы. Когда он закончил, на его круглом детском лице проступила приглашающая к разговору улыбка.

– Большое вам спасибо, вы меня очень выручили!

– Да, несладко бы вам пришлось. Еще и дождь усиливается. На кладбище дожди идут чаще, чем в других местах, не находите? Поэтому здесь хорошо думается. В дождь все чище и ярче.

– Да, наверное.

– Слава. Позвольте узнать, как вас зовут?

– Ада, – я посмотрела на него повнимательнее – не мой типаж. Но, тем не менее, когда он спросил номер телефона, дала ему верный.

– Я бы с удовольствием еще раз спустил ваше колесо, чтобы вас подвезти.

– Еще раз спасибо за помощь.

– Я обязательно вам позвоню. Был бы я лет на двадцать

помоложе, не расстался бы так легко. Ну что ж, езжайте.

– До свидания!

Он до последнего смотрел мне вслед – боковое зеркало машины отражало его любопытный взгляд.

Мы грелись в животе сотканными. Были нити, которые разрывались, когда мы пролезали на свет. Они навсегда оставили в нас дыры, которые было не заделать. На свету в объятиях Тины я представляла, каково нам было вместе до рождения. Мы воссоздавали тот мир, мир утробы, для нас двоих, собирали кокон по прутику, не впуская посторонних.

Прийти в мир вдвоем – можно ли просить о большем? Не чувствовать одиночества, жить в собственной Вселенной. Быть единым целым. Смотреть на одиночек с сочувствием, на тех, которым нужно искать, на тех, кто рожден с пустотой внутри, которую нужно заполнить. Мы не знали поиска, мы пребывали, качались на волнах счастья. В нашем мире были собственные жесты, движения, язык, недоступные для окружающих. Хотя условные знаки были избыточными, мы понимали друг друга без них.

«Я» родилось, когда мне было семнадцать. За руку меня держал папа, не отпускал в течение похорон, когда же все-таки отпустил, чтобы кинуть землю на крышку гроба, появилось это ненавистное «я». Реальность стукнула осознанием: «я» стою на кладбище. Среди других людей. И больше нет «мы». Это новое «я» упало в обморок и пришло в себя в ма-

шине, когда вокруг толпились ненужные люди. Это «я» понадобилось в «мы».

Мы любили вместе принимать ванну. Сестра сгибала локоть и приныкала к нему носом: «Посмотри, как пахнет!». Я подносила свою руку, и мы понимали, что пахнут они одинаково. Ванна наполнялась ароматами лаванды, ванили, грейпфрута – Тина любила экспериментировать с косметическими средствами – мы опускались в воду, наполненную пеной, и переставали различать, где чья часть тела, вновь становились одним. Мы лежали в ванне, пока она не становилась холодной, а после, дрожащие, растирали друг друга полотенцем. В халатах, лежа на диване, стучались ногами, соединяли ступни, ходили друг по другу лесенкой, ощущая другое тело как часть своего. Я могла остановить кровь Тины, прислонившись к ране губами, как к своей. Я могла говорить словами Тины, рассказывая историю вместо нее. Вот только дышать за нее я не смогла.

Мне приснился такой сон.

Сила, которой нет названия, несет меня сквозь пространство. Без препятствий, без сопротивления. Мимо лимонных звезд, мимо монахов и чертей, плавающих в небытии, несет неведомо куда под сладчайшую музыку, которая не стихает еще некоторое время по пробуждении.

Заснула я поздно, так как общалась с новым знакомым.

– Так о чем же ты думаешь на кладбище?

– О Боге, о дьяволе, о человеке.

– Ты – верующий?

– Скорее, знающий.

– И что ты знаешь?

– Что Бог и дьявол есть одно, а человек мечется между ними, словно обезьяна, когда выбора на самом деле-то и нет.

– Откуда же ты это узнал?

– Из жизни.

Слава рассуждал в подобном ключе и в последующие наши встречи, и вскоре стало ясно, что он любит разводить демагогию. Впрочем, меня это занимало.

До него ни один мужчина не был мне близок, другие проходили вскользь, мимо, не всерьез – романы по неосторожности. Тем более удивительно, что близким стал он. Когда я увидела его в первый раз, то испытала скорее отвращение. Высоко натянутые штаны, заправленная в них футболка, голова в блестках, словно мяч для боулинга. Но то казалось до тех пор, пока он не начал говорить: от него исходила уверенность, которой может позавидовать иной политик. И все, что бы он ни делал, выглядело убедительным. И я выглядела убедительной в его руках. А ладони у него были крепкие, пальцы мозолистые. И запах от них – машинный, мужской. Я почувствовала это, когда он прикрывал мой рот, а я кусала жесткие кончики.

Каждый раз, когда я думала о нем, у меня ныл низ живота.

На втором свидании мы спустились в подвал, где было

несколько столиков, и он заказал мне бокал вина. Сам он не пил, сославшись на то, что не употребляет, потому что алкоголь ослабляет контроль. Мне стало не по себе. Какому человеку требуется все время контролировать ситуацию? Низко нависал потолок, стоял запах мяса – он снимал без вилки кусочки шашлыка с шампура и щурил на меня глаза.

– У меня есть друг, – говорил он, – ты бы ему очень понравилась. Не женат. Любит высоких красивых девиц.

– Зачем тебе сватать меня своему приятелю?

– Когда я тебе надоем, – и вгрызался в мясо, минуя прожилки.

Не могла себе представить, как он может надоесть. Надоесть может кто-то предсказуемый.

Он почти ничего не рассказывал о себе, когда мы проходили сквозь раму в торговом центре, показал охраннику удостоверение. Тогда я догадалась, где он работает. Все о нем приходилось угадывать. И эта игра меня устраивала. Мне бы и не хотелось знать о нем все до конца.

А он любил, когда я говорила о себе. Хотя – что мне было рассказывать? Жила я одна, друзей не было. Была кошка Гера. Белая, пушистая, как колобок, будь у него шерсть. С ней я обычно и вела беседы. Наливала чай, включала радио и рассказывала про свой день. С тех пор, как умер папа, Гера стала моим собеседником. Серьезных отношений не бывало. Всегда так – случайно и ненадолго – выпили вместе, и понеслось. Ничего интересного. Потыкались друг в друга, каран-

даши, и на следующее утро с большими головами разошлись. И всегда после было стыдно, неловко, и хотелось, чтобы не было вовсе. Да, все мои отношения были такими – стыдными, неловкими, несущественными, детскими.

Но со Славой мы не сидели в песочнице. Впервые я не играла. Была собой. Легко сбросила кожу и перестала притворяться.

Чаще всего мы беседовали в машине – так повелось – я смотрела на дорогу, пока она петляла, как мой рассказ, опасалась встретиться с его взглядом, но когда встречалась, то выдыхала – он не выражал жалости, Слава оставался со мной, на земле. За это я его не любила – нет – я не полюбила его, но прониклась к нему. Не думаю, чтобы он тоже был влюблен в меня. Наши отношения были вне этого чувства. Но когда во время секса наши тела соприкасались, я понимала, что ближе него у меня никого нет. Ночью, когда он медлил выйти из меня, мне чудилось, что мы Адам и Ева, не вкусившие запретный плод.

У него был одноэтажный дом в Подмоскowie, с сараем и садом. Он содержал его в идеальном состоянии: сломанные предметы чинились, мусор выметался вон. Утром, когда я готовила завтрак, в холодильнике всегда находились продукты. Слава очень ревностно относился к своему рациону и быту. Одно меня смущало: телефонный звонок мог разбудить его среди ночи и вырвать из дома, оставив меня одну. Такое случалось нередко. После таких вылазок – он приходил, ко-

гда брезжил рассвет – его дыхание звучало по-иному. Слава менялся, и мне было не уловить новую волну. Он тотчас засыпал, не прикоснувшись ко мне, и дышал в новом ритме. Его сон был спокоен, и едва заметная улыбка скользила по лицу. После его возвращений мне долго не удавалось заснуть – они вырывали меня из сна, были для меня тяжелы. Рассвет – время, в которое совершается самое большое количество естественных смертей – вызывал у меня воспоминания о сестре. Уже восемь лет она лежала на кладбище, уже восемь лет внутри меня пустота. Поэтому мне не нравилось ночевать со Славой. Его умиротворенный сон оттенял мое беспокойство. За это я на него злилась. Но в остальном мои чувства к нему были ровными. Рядом с ним я не чувствовала себя особенной, и мне это нравилось. Я была самой обыкновенной, нормальной, и за это испытывала к нему благодарность. Обычно прошлое застигает мне настоящее, ставит меня по иную сторону человеческого опыта. Но с ним я была в мире и от мира. С ним я обретала себя и не чувствовала одиночества, которым натерла себе мозоль. Не знаю, какими должны быть отношения, как люди их строят – мы делали совсем немного: занимались сексом, ели, вели долгие разговоры. Пусть виделись мы не так часто – Слава все время был занят, да и в те дни, что был со мной, мог куда-то сорваться, но его присутствие в моей жизни ощущалось во всем. Я больше не была одна.

Мне приснился такой сон.

Я раздеваюсь и выхожу из окна. Сила несет меня по земле, по всей округности, а потом дальше – в черноту, к звездам и планетам. Мне страшно, хочется за что-то ухватиться, почувствовать под собой почву. Но мне не остановить ее. Меня несет.

В полусне искала Славу, рука шарилась по пустому пространству. Как он мог ускользнуть так тихо? Нащупала мобильный, на дисплее высветилось три. Накинула куртку и вышла на улицу. В уши ударила тишина. Она всегда ударила, когда я была у него. От нее становилось не по себе. В глухоте четче проступали кошмары. Луна высвечивала пяточок пространства вокруг дома, казалось, я вышла из пещеры, и из тьмы на меня сейчас выпрыгнет дикое животное. Нашла на небе Большую Медведицу. Этому меня научил папа – отгадывать ковш на небе. Завораживающее зрелище, если не опускать глаза вниз. А Слава жил в этом великолепии, когда вокруг ни шума, ни света, и получал удовольствие от себя, от работы. В его глазах был вечный блеск. Может, это тянуло меня к нему? Его целостность. Быть собой – это ли не счастье?

Из раздумий меня вывел звук, послышавшийся из сарая. Он находился сзади дома, пришлось побороться со страхом, чтобы к нему приблизиться. Дверь была приоткрыта, и по ней гуляли красные блики. Я просунула голову в проем и замерла: внутри полыхало прирученное пламя. Обнаженный

по пояс, Слава наклонился над горном и орудовал над огнем. Он был полностью захвачен действием и не заметил, как я прошла внутрь и села на один из обляпанных краской деревянных столов. Вблизи мне удалось рассмотреть, как от температуры раскаляется лезвие ножа. По лицу Славы лился пот, черты его лица были напряжены, он был сосредоточен и расслаблен одновременно. Мне показалось, что я попала в лабораторию древнего алхимика, где наблюдала за рождением философского камня, как мотылек, не понимала, почему зрелище так притягательно. Сон одолевал меня, но отступал перед звенящими звуками. Дрема окутывала на мгновения. Я открывала глаза, и магия продолжалась. Когда я проснулась в очередной раз, с улицы лился свет, а Слава вертел в руках готовое изделие. Меня окончательно разбудил его радостный голос:

– Смотри, – он протянул мне свое новорожденное дитя. Рукоятка опустилась в мою ладонь, как драгоценность.

– Нож, – констатировала я, пытаюсь прийти в себя после увиденного – не могла поверить, что магическая ночь завершилось. – В самом деле.

– Это... это... медитация. Понимаешь ли ты... понимаешь, – он вдруг захлебнулся, чего с ним никогда не случилось, – это очищение. Как бы тебе описать... Это перерождение, как у Христа, которому был дан второй шанс.

– Шанс?

– Как у грешника.

– Христос – грешник?

– Он преодолел искушение дьявола, но не искушение добром.

– То есть?

– Мир – целостен. И в нем присутствует два полюса: добро и зло. И Христос отринул эту целостность, он выбрал один полюс. И ему был дан второй шанс охватить зло, и он спустился в Ад...

– Зачем ты мне это говоришь?

– К тому, что христианство однобоко. И тебе не обязательно ему следовать. Ты можешь следовать собственному пути.

– Слава, у тебя кто-нибудь есть? – пришло мне в голову.

– Нет.

– Твои родители умерли?

– Да.

– А я почти не общаюсь с матерью. С тех пор, как она ушла от нас с папой, она все равно что умерла.

– Когда люди уходят из твоей жизни, это освобождение.

– Освобождение?

– Значит, они выполнили свою функцию и больше тебе не нужны. Значит, ты продвинулась на ступень выше, чем была.

– Все же я предпочла бы, чтобы она осталась.

– Никогда ни о чем не жалею. Жалость – то, что тянет нас вниз. Замедляет развитие.

– Не все служит росту.

– Все. А иначе зачем быть?

– Ты – эдакий коуч.

– Кто?

– Коуч. Тренинги личностного роста. И все такое.

– Не смейся меня. Я тебе рассказываю, как я живу.

– Знаю-знаю. А какими были твои родители?

– Теми, кто вырастил меня таким, каким я стал.

– Ясно. Я очень любила своего папу.

– Это видно.

– Это как?

– У тебя на поведении печать, – он усмехнулся.

– Жаль, что он не увидел Париж. Не успел дожидаться, пока кончится запрет на выезд за границу. Он же невыездной был. А так хотел. Станный у него был выбор профессии. Ему бы филологом. Он так любил французский. А про работу ничего не рассказывал. Вообще. Никогда. Мы с матерью толком до конца и не понимали, чем он занимается. А потом случилось Это... И мать ушла. Хотя мне думается, что она ушла не от него, а от меня.

– Да, я знаю, что ты мастер-фантазер. И не такого насочинишь.

– Если бы только мы с Тиной не были так похожи...

– Твоя фантазия не знает границ.

– С чего ты взял, что это фантазия?

– Когда ты говоришь, над твоей макушкой звездочки выются.

– Смеешься надо мной.

Но я не обиделась. Обида была вне рамок наших отношений. Обида – из детского, молочного. У нас ей не было места. У нас все было по-другому. Рядом с ним мне не хотелось ничего выдумывать, хотелось просто быть. Может, это оттого, что Слава прирос к земле, к природе. Он естественный. Его поступки, его слова. Он говорит то, что думает, и не стремится показаться кем-то другим. Мне очень повезло, что мне удалось встретить такого человека. И даже если я не полюблю его, память о нем навсегда останется со мной.

– Что у тебя с коленкой?

Я собрала ноги, раскиданные по столу, и подперла ими подбородок.

– У тебя есть история, которой ты не делишься. Мне интересно, что в ней спрятано.

– Я попала в аварию, и мне зашили ногу. Остались шрамы. Ничего интересного.

– Поэтому ты умолчала об этом?

– Это неприятно вспоминать.

– Дай подумать... тебе было семнадцать лет.

– Восемнадцать.

– Ну конечно, ты немного оттянула.

– Ты о чем?

– Будешь притворяться?

Я провела пальцами по колее, прижившейся на моей коже.

– Ты что-то придумываешь.

– То есть, в тот год, когда твоя сестра покончила с собой,

ты жила как ни в чем не бывало и ни о чем не помышляла. И случайно попала в аварию?

– Слава, почему ты вообще завел этот разговор?

– Потому что над твоей макушкой выются не только звездочки.

– Сейчас раннее утро, мы не спали всю ночь, и тебе что-то стукнуло в голову.

– Да, меня осенило. Подтверди мою догадку.

– Не знаю, что я должна подтвердить. Оставь меня. Я хочу спать.

– Ада, я этого не оставлю. Скажи мне.

– Что тебе сказать? Зачем ты меня мучаешь?

– Не ровен час, ты опять попадешь в беду.

– Что ты каркаешь! Оставь меня!

– Скажи, что ты больше не думаешь об этом, и я отстану.

– Да думаю я! Думаю! – Слава выстроил воронку, в которую скатились мои слова.

– Так что случилось во время той аварии?

– Я бросилась под машину, доволен? – меня трясло от злости.

Но что-то внутри меня говорило, что он задавал правильные вопросы. Вопросы, которые никто мне ни разу не задавал. Тогда, семь лет назад, родители списали происшествие на мою невнимательность, на то, что я проглядела красный. Матери было все равно, папа бы ни за что не догадался. Я не хотела жить без Тины, хотела вновь испытать, каково это,

быть цельной, но для этого необходимо было умереть. Тина ждала меня, одна, ждала, когда мы вновь станем одним. Ничто не волновало меня больше этого. Я злилась, но не на Славу, а на Тину, за то, что она ушла.

– Пора тебе с этим разобраться. Ты знаешь, почему твоя сестра покончила с собой?

– Нет.

– И никогда не пыталась узнать?

– Накануне она поссорилась с молодым человеком. Но я никогда не верила в то, что это стало причиной.

– Отчего ты не выяснишь, что ее подтолкнуло? Может, тогда тебе станет легче?

– Мне никогда не станет легче.

– По крайней мере, у тебя будет ясность, которой тебе не хватает сейчас.

– Еще ты должен спросить, как так получилось, что я не знала, что происходит с сестрой.

– Тебе задавали этот вопрос?

– Нет, а должны были. Я не знаю, как это вышло. Мы с ней мало общались последние пару лет. Я думала, наш разлад – это самое тяжелое испытание в моей жизни. Она ушла сама. Это большой грех.

– Не во всех культурах. У ацтеков, например, была специальная богиня для самоубийц, Иш Таб. Самоубийство через повешение считалось подвигом. Стоики причисляли суицид к достойным поступкам, если он вел к свободе, японцы

верили, что харакири – выход, когда оно способствовало сохранению чести и достоинства. Это вопрос моделей, принятых в обществе. Не больше, не меньше. Ты сама-то как относишься к смерти? Что для тебя – смерть?

– Это когда отрезают половину тела и заставляют жить с одной. Как ты пережил смерть родителей?

– Как любую другую. Ее не нужно переживать, пережевывать. Смерть есть смерть. Каждый станет подножным кормом, стоит ли устраивать по этому поводу столько шума?

– И собственная смерть тебя не волнует?

– Не больше, чем чужая.

Мы вышли на улицу. За окном, как бутон, увядала утренняя заря. Я закрыла глаза и сглотнула, проталкивая шерстяной клубок, раздражавший грудь, вниз по пищеводу.

– Я так не могу. Я хочу, чтобы никто не умирал, я хочу, чтобы мои близкие жили вечно. Я хочу, чтобы от меня никто не уходил. Я хочу...

– Ну, хватит, хватит. Пойдем спать. Тебе через несколько часов на работу. Кем ты там работаешь?

– Программистом.

– Каждый раз, когда слышу это от тебя, вздрагиваю.

– Я могу не ехать в офис, ноутбук у меня с собой.

– Тогда днем я не дам тебе работать.

Но позже Славу вызвали, и он оставил меня одну. Сварив кофе, я расположилась на кровати с ноутбуком. Ночной озноб продолжался, и пальцы отказывались печатать код.

Отбросив бессмысленное занятие, я накрылась с головой одеялом. В голове трещало логическое if-then-else. На что я могу повлиять, кроме настоящего? Могу ли перевернуть прошлое, внося в него недостающую часть мозаики? Прав ли Слава, говоря о том, что я упускаю важное, не узнав причину суицида сестры? Почему раньше я об этом не задумывалась? У нее были друзья в школе, с которыми она общалась в последние два года, и они могли знать больше, чем я, живущая с ней под одной крышей. Почему родные люди так мало знают друг о друге, позволяя незнакомцам расставлять точки над «и» в жизни близких? Значит ли мое незнание, что я никчемна, или это естественный процесс? Тина не хотела со мной общаться, не хотела поверять мне свою жизнь. Сколько я мучила себя вопросом, что между нами произошло, и не находила ответа. Лет в пятнадцать в нее вселилось нечто, что отдалило ее от меня. Она забыла наш язык, забыла нас, забыла, что чужие запахи не несут в себе ничего родного.

У сгиба локтя глубокий вдох. В этом запахе рождалась Тина. Казалось, стоило поднять глаза, чтобы обнаружить ее во плоти. Она по-настоящему для меня никогда не умирала. Ушло тело, а ее душа осталась со мной. Наш разговор, затухший на последние два года ее жизни, возобновился. И сейчас, в слезах, я выпытывала у нее прощение за то, что была глуха и за молчанием ее не разглядела. Неисполненное прошлое – спираль во времени, которая не перестает быть настоящим. Вновь и вновь виток себя повторяет, и каждый раз

его не удастся изменить. Дежавю – это непрожитое ушедшее.

То проваливаясь в сон, то вылезая из разгоряченного кошмара, я продолжала нашептывать Тине о своей любви и вине. Наши ноги были сплетены, и руки тесно сомкнуты. Она лежала рядом со мной и смотрела на меня, широко раскрыв глаза. Она не была удивлена или подавлена. Она спокойно принимала мою боль, как само собой разумеющееся, и не пыталась меня утешить. Ей было нечего мне сказать. С последнего посещения кладбища сестра приняла обет молчания и его не нарушала.

Мы пролежали долго, пока пол под нами не затрясся и не пошел трещинами. Я стала хвататься за Тину – она не испугалась и только подмигнула. Пробуждение было тяжелым, голова ныла, как с похмелья, а Слава продолжал трясти меня за плечо.

– Вставай, вставай, лентяй, я отвезу тебя туда, где есть место магии.

Я помотала головой, но Слава, неотразимо улыбаясь, наклонился ко мне и резко поднял с постели.

Мы долго ехали по проселочной дороге, уезжали дальше от города. Листья горели в такт золотой осени, и до меня доносилась их мелодия. Это был не шелест листвы, а игра ее красок. У каждого цвета своя музыка. Зеленый – самый отважный, а оранжевые и желтые цвета – просящие, скромные. Они с покорностью принимают свою судьбу. Они готовы опасть и усохнуть. Они наполнены мудростью. Этому

меня научила Тина, и я воображаю, что тоже их слышу. Тина не рисовала картины, она писала музыку. Палитра для нее – нотная доска, и она выбирала краски, соразмеряя их с общим звучанием. Я писала по-другому. Я не слышала. Но сестра говорила, что мои картины тоже звучат. Она мечтала нарисовать «Воздух» Баха и предприняла не одну попытку. Иногда ей удавались первые аккорды, но ни на одном полотне не получалось запечатлеть неземную легкость произведения классика. Но она не расстраивалась. Она верила, что однажды ей это удастся.

– Годится, – Слава вырвал меня из размышлений. – Сейчас мы пойдем вглубь.

Он ввел меня в лес уверенно, будто знал дорогу. Я озадаченно поплелась за ним, уклоняясь от веток.

– Не страшно, что я с тобой здесь сотворю? – спросил он, не оборачиваясь, и слова прозвучали как закадровый голос в кино.

– Ты забыл, что я занимаюсь айкидо?

Я громко рассмеялась, чтобы скрыть, что мне стало страшно. Мы шли по высокому и плотному лесу, по сырой земле, которой не касалась солнце. Мне вспомнилось, как однажды поздно ночью Слава привел меня на детскую площадку, где стояли качели. На таких мы с Тиной катались в детстве. С трудом я уместила в них свои бедра и было попробовала раскачаться, как он выдернул меня с них и содрал джинсы. Презерватив, брошенный на сидение, еще дол-

го раскачивался взад-вперед. Слава – ночной человек. Когда я вспоминаю наши разговоры, вокруг непременно темно, и только его глаза продолжают сверкать, пока он рассказывает историю.

Сказывалась бессонная ночь: меня слегка шатало, и я едва поспевала за моим провожатым, уже готова была протестовать, когда он резко повернулся и сказал коротко:

– Раздевайся.

– Здесь? Холодно.

– Давай, не спорь, – и он начал стаскивать с себя одежду.

Рядом с ним ничему не стоило удивляться. Оглянувшись по сторонам, я нехотя стянула с себя майку. Слава в пример мне ловко разделся и пристроился на землю. Придирчиво осмотрев, что творилось под ногами, я прилегла рядом в готовности откликнуться, когда он притронется ко мне, но он продолжал лежать не шелохнувшись.

– Что мы делаем? – приподнялась я и ахнула, увидев его выражение.

Блаженная улыбка прорезала его лицо. Довольство, умиротворение. Определенно, в этот момент он испытывал счастье. Мне померещилось лицо матери – такой она представлялась мне в окружении новой семьи.

– Лежи и молчи. Ощущай кожей, – ответил земляной человек.

Мои лопатки неприятно упирались в твердую поверхность, по телу бежали мурашки. Я встала, оделась и села на

корень дерева в ожидании, когда Слава насытится. Да, его лицо превратилось в лицо матери, вот-вот должен был раздаться радостный смех, от которого, словно в сказке, сыплются искорки. В моей фантазии сошлись два образа счастья: Слава, голый, на холодной земле в лесу, и мать в окружении новых детей и мужа. Это сходство как озарение. Я слышала, нам нравятся те, в ком мы узнаем образы из детства. Как в мужчине можно найти черты женщины?

– Ты провалила эксперимент, – констатировал он, когда вечность уже не казалась мне большой величиной. – Не справилась. Надо будет повторить. Может, в следующий раз получится.

– Уж уволь. Глупость какая.

– Ты воспринимаешь разумом. Нужно уметь его отключать и подключать другие источники восприятия. Если бы ты много не думала, ты бы поняла.

– Что поняла?

– Это надо прочувствовать, это не проговорить.

– Прочувствовать голой жопой?

– И ей в том числе.

– Я все думаю о том, что ты сказал о Тине. То, что я узнаю подробности о ее смерти, не изменит прошлого.

– Не изменит. Но изменит твое настоящее.

– Такое ли уж оно плохое, чтобы его менять?

– Это тебе решать.

Мне нравилось то, что Слава заставлял меня проживать.

Страх или удивление, это всегда было волнующее чувство. Иногда я думала о том, каково это – быть им? Иметь насыщенную работу, быть в ладу с собой, впору писать книги об искусстве гармоничной жизни. Мы с Тиной разошлись в выборе профессии. Она не занималась подготовкой к поступлению в вуз в одиннадцатом классе, планировала устроиться на работу и параллельно заниматься учебой. Она готова была потерять год, чтобы понять, чем ей хочется заниматься, рассматривала МАРХИ, ведь у нее хорошо получалось рисовать. Я принимала решение вместе с папой. Название «искусственный интеллект» звучало многообещающе, и мы подали документы на факультет. А потом, как бывает, судьба толкнула меня по направлению к моей профессии. Я ее не выбирала. Уверена, Слава осознанно подошел к своему решению. И поэтому получал удовольствие от того, чем он занимался. Моя работа не вызывала у меня положительных эмоций. Что приносило мне истинное удовольствие, так это плавание.

Мы с Тиной ныряли еще в грудном возрасте. Папа рассказывал, как опускал нас в ванную на раз-два-три, а мы под водой закрывали глаза и задерживали дыхание. Он отвел нас в спортивную секцию. Частые простуды не испугали его, он вытирал нас полотенцем, кутал и вновь приводил в бассейн.

Больше всего нам с сестрой нравилось переплетаться под водой. Мы соединялись, единое целое, но не шли ко дну – близнецовая сила держала нас на плаву. Тренера не могли

не предвещать нам успешное будущее. Но мать не одобряла эти занятия. Можно решить, что она испугалась испытаний большого спорта. Но нет, она боялась, что у девочек будут слишком развитые плечи и руки, и это скажется на красоте. Мне хотелось позвонить ей в дверь и сказать: «Вот у меня обычное тело. И где же счастливая жизнь?». Мне многое хотелось ей сказать, если однажды я решусь, на это уйдет не один вечер. Почему она не пришла на похороны отца, человека, с которым прожила почти восемнадцать лет? Мне известно, что они поженились, потому что мать забеременела нами. Неужели мы стали причиной большого обмана? Ведь ей пришлось столько лет изображать, что она является частью семьи. Играла она плохо, и папа старался за двоих. Жили мы бедно, папа с трудом выделял деньги на наши занятия, спорил с ней по этому поводу, и если в иных случаях уступал, здесь всегда стоял на своем. «Девочки должны плавать». Я помню их ссоры, иногда мне хотелось, чтобы он дал ей затрещину, чтобы она успокоилась. Но он никогда не поднимал на нее руку, да и голос в ссорах редко повышал. Он был очень спокойным и уравновешенным. Одного мне не понять: как сошлись два столь разных человека. Папа был тонко чувствующим, любил поэзию, знал Мандельштама наизусть, очень много читал, исторические романы, классику. О чем он мог поговорить с женщиной, которая на работе перекладывала бумажки и ничего в тонких материях не понимала? Которая любила жаловаться, что она достигла бы вы-

сот, если бы не мы... Это «если бы», конечно, заканчивалось традиционным «но я бы вас ни на что не променяла». Мне подчас казалось, что у меня нет матери. Но пока была Тина, это было неважно. Все неважно, пока ты окутан коконом безопасности.

Когда у сестры появились ее личные друзья, я испугалась. Только не представляла, насколько далеко она от меня отступит. Я жалась к папе в те вечера, что ее не было рядом. Мне нужно было тепло, чтобы переживать эти часы. Он включал старые черно-белые фильмы, я ложилась к нему под бок, и мы ждали, когда в десять часов (позже – запрещено) хлопнет входная дверь, и явится Тина, от которой со временем начнет тянуть сигаретами и алкоголем. Первое время папа ничего не будет ей говорить, уже потом, когда она нарушит временной режим и явится без предупреждения ближе к двенадцати, он проведет с ней первый серьезный разговор. А когда мать застывает ее, курящую, на улице, будет настоящий скандал. В один прыжок Тина попадет в популярную верхушку класса. И рядом с ней я начну выглядеть примерной папиной дочкой. Меня не приняли в ее компании, прежде всего, она сама. Я была ей неинтересна. К тому времени мы перестали заниматься профессиональным плаванием – мать запретила, и я одна по-любительски рассекала пресную гладь. У меня не получилось завести подруг – не знаю, как ей это удалось – со всяким другим я ощущала свою отдельность. Все были несовершеннолетними, кроме Тины.

Перед тем, как выглянуть в окно, я нашла на столе записку. Пробежав ее глазами, засунула листок в рот и сжевала его. И только после этого начала кричать и звать на помощь. Было ветрено, и занавеска била в лицо – никак не могла ее распутать, чтобы посмотреть вниз. Не знаю, увидела ли я ее, или мне только померещилось. Ведь резко померк свет, и очертания исчезли. Картина слилась, завертелась, когда отец оттолкнул меня от окна. Не знаю, видела ли я, что стало с Тиной на асфальте.

Нужно ли мне было что-то менять в настоящем? После слов Славы меня взволновал вопрос, что было в прощальной записке, почему я от нее избавилась, что узнала и какое знание не захотела сохранить? Воспоминания не сохранились в памяти, как я того хотела. Тогда. Но не сейчас.

Я не знала, с чего начать. У Тиной не было дневника, который бы раскрыл ее секреты. Тина редко читала, и не узнать, что занимало ее мысли. Но у нее были друзья, проходя мимо которых, я чувствовала себя овцой. Мне не вспомнить, кто из них пришел на кладбище, они соединились для меня в единого врага, которого мне хотелось уничтожить за то, что тот отобрал у меня сестру.

Это был выпускной класс. Я выбрала платье. Персиковое, с длинными прозрачными рукавами, по подолу которого были пущены цветы. Тина тоже купила себе наряд – короткое атласное платье черного цвета. Родители не оценили ее выбор, но останавливать не стали.

Платья ждали нас на вешалках в тот день. Мы с папой ушли в парикмахерскую, мать была на работе. Когда мы вернулись, записка уже лежала на столе.

Мне позвонила лишь одна одноклассница, чтобы узнать, почему меня нет на выпускном. Зато телефон Тины подпрыгивал от звонков. В конце концов мать швырнула его в стенку. Что было дальше, я могу лишь предполагать. Стоило проглотить клочок бумаги, как память мне изменила.

Однажды мы с сестрой стояли на берегу и кричали чайкам. Это была наша первая поездка на море. Нам было по двенадцать, мы еще разговаривали и двигались в унисон, одинаково одевались, несмотря на протесты матери, и ждали, что нам будут дарить одни и те же подарки. В тот день было холодно, и купаться было нельзя, но Тина все равно забежала в воду по бедра и намочила платье. Я еще не знала, что ее привлекают запреты, что ей хочется нарушать правила. Это мне было комфортно в безопасности родительского одобрения, ей нужны были штыки, ей нужно было выражать протест. Я с удивлением обнаружила, что между нами есть различие. То, на что способна она, того нет во мне. Она – это я, но не до конца. Открытие поразило меня, до конца поездки я пребывала в замешательстве. Во мне не укладывалась мысль, что Тина может от меня отличаться. Но когда мы вернулись домой, все пошло по-прежнему, и я забыла об этом, пока ее инаковость не ударила вновь, когда наступил переходный возраст, время бунта, только не для меня. Когда

сестра изменила мне с друзьями, я еще больше сблизилась с папой. Я открывала его, а она в это время училась краситься и подавать себя. И это у нее получалось. Пусть на первый взгляд мы одинаковы, Тина всегда была красивее. А когда она начала ухаживать за собой, нас перестали путать в коридорах школы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.